

Пенской Виталий Викторович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теологии Белгородского государственного университета, г. Белгород

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ: нашествие крымского хана Гази-Гирея II на Москву в 1591 г.

Ключевые слова:

Россия в XVI в., русское военное дело, русско-крымские отношения, отражение набегов крымцев на Русь

В данной статье описываются события лета 1591 г., когда крымский хан Гази-Гирей II Бора возглавил последнее татарское нашествие на Русь. Накапливавшиеся в течении долгого времени противоречия между Москвой и Бахчисараем привели к резкому обострению русско-крымских отношений в нач. 90-х гг. XVI в., результатом чего и стал описываемый в статье поход Гази-Гирея и отражение его русскими полками под самыми стенами Москвы. Этот поход стал последней в истории русско-крымских отношений попыткой крымцев нанести удар непосредственно по русской столице и опустошить ее окрестности. Поражение Гази-Гирея II летом 1591 г. завершило перелом в русско-крымском противостоянии, начавшийся еще победой русского войска над крымцами в 1572 г. при Молодях.

Начало истории последнего татарского нашествия на Москву можно отнести ко временам Ивана Грозного, когда в русско-татарских отношениях завязался тугой узелок. Пытаясь развязать его, хан Девлет-Гирей I дважды, в 1571 и 1572 гг., ходил на Москву. И хотя он поначалу сумел добиться успеха, спалив столицу России, затем его войско было наголову разгромлено воеводой князем М.И. Воротынским на подступах к Москве у села Молоди. Крушение всех надежд, возникших после блистательного рейда к русской столице в 1571

г., серьезные потери крымского войска — все это обусловило снижение напряженности в отношениях между Москвой и Крымом в последующие годы. Крымскому «юрту» нужно было время, чтобы залечить тяжелые раны, чтобы выросло новое поколение воинов, не знавшее поражений в противостоянии с русскими. Для этого потребовалось 20 лет, прежде чем сын Девлет-Гирея Гази-Гирей II предпринял новый большой поход на столицу Российского государства. И хотя до большого и кровопролитного сражения под стенами Москвы дело не дошло, тем

не менее, поражение, которое потерпел хан, оказалось достаточно серьезным, чтобы положить конец татарским нашествиям. Бои под стенами Москвы 4 июля 1591 г. стали «последним боем», после которого крымцы, не решаясь на большие предприятия, ограничивались набегам на государственную Украину за полоном. Вернемся же на 400 с лишним лет назад и вспомним о подвигах наших предков.

Относительное затишье на южной границе Русского государства, наступившее после 1572 г., растянулось больше чем на полтора десятка лет.

Нет, конечно, «малая» война на пограничье не прекращалась, но набеги, предпринимавшиеся большими и малыми ногаями, азовскими татарами и отдельными крымским мурзами, хотя и были порой болезненны, не представляли столь же серьезной угрозы, как походы Девлет-Гирея. Однако после того, как в апреле 1588 г. скончался хан Ислам-Гирей II и на крымский трон уселся его младший брат Гази-Гирей II «Буря» (Бора), ситуация начала постепенно меняться.

Первые годы своего правления новый хан посвятил улаживанию внутрикрымских проблем и налаживанию регулярных контактов с русским правительством. Гази-Гирей пока не выказывал особой неприязни к Москве, так как опасался, что ее ослабление будет способствовать росту зависимости Крыма от Турции, а это отнюдь не входило в его планы.

Однако миролюбие хана носило временный характер. Проблемы в русско-крымских отношениях, неразрешенные прежде, оставались. Расчеты Гази-Гирея и его окружения на то, что в обмен на отказ от набегов русское правительство увеличит количество присылаемых подарков, не оправдались. Не могло не вызывать беспокойства в Крыму пребывание в Москве «царевича» Мурат-Гирея, сына свергнутого и убитого Мухаммед-Гирея II. Не в восторге в Крыму были и от попыток Москвы замирились с ногаями и подчинить их своей власти. Негласно поощряемые Москвой казаки нападали и на ногаев, и на собственно крымские улусы, и на владения султана. Но важнее всего было стремление Москвы усилить свое влияние на Северном Кавказе, что чрезвычайно беспокоило и Стамбул, и Бахчисарай. Одним словом, горячего материала в отношениях между Бахчисараем и Москвой хватало.

Удар грома раздался даже быстрее, чем можно было ожидать. В конце 1590 г. в Крым приехал русский посол И. Бибииков, встреченный весьма неласково. По словам С.М. Соловьева, выслушав речь посла, «хан против государева покло-

Памятник князю Воротынскому в г. Воротынец — победителю при Молодах. Нижний-Новгород

на и здоровья не встал», а затем по приказу Гази-Гирея Бибииков и его люди были дочиста ограблены [15, с. 254]. Почему же позиция хана резко изменилась именно сейчас? Надо полагать, что свою роль сыграло желание османского властелина взять реванш за поражение под

Астраханью в 1569 г. и заодно наказать «неверных», пытавшихся закрепиться на Кавказе. Сам Гази-Гирей, подчинив себе непокорных ногайских «князей», должен был теперь всерьез задуматься — куда направить их буйную энергию. Ответ напрашивался сам собой

Девлет-Гирей, крымский хан

— успешные набеги, предпринятые крымцами в 1586 и 1587 гг., показали, что поход, предпринятый большими силами, позволит разжиться богатой добычей и знати, и рядовым татарам. Наконец, шведский король Юхан III вступил в контакты с крымским двором, желая заключить союз, направленный против Москвы. Очевидно, все вместе взятое, это и повлияло на решение Гази-Гирея пред-принять экспеди-

Ислам-Гирей, крымский хан

цию непосредственно против Москвы.

Нельзя сказать, что для русских это решение, принятое ханом и его окружением, стало полной неожиданностью. Многолетний опыт общения с крымцами предостерегал Москву от того, чтобы доверять миролюбию своего «партнера». Поэтому правительство Федора Иоанновича не обольщалось относительным затишьем на южной и юго-восточной границах. И дело даже не в том, что русского посла встретили неподобающим образом — при том количестве московских «доброхотов» в Крыму масштабы подготовки похода на Русь скрыть было невозможно. Понимал это и Гази-Гирей, потому 5 мая 1591 г. он сообщил Бибикову, что военные приготовления в Крыму имеют вполне определенную цель — Речь Посполитую. Однако в Москве знали истинную цену ханским заверениям и с началом весны начали, как обычно, расставлять полки по «берегу» и за Окой.

Прежде всего 4 марта была объявлена роспись «заречного разряда». Большой полк во главе с князем Б.К. Черкасским встал в Туле, передовой — князя В.В. Голицына в Дедилове и сторожевой — князя В.А. Тюменского в Крапивне [12, с. 191]. Правда, из-за ожесточенных местнических споров роспись «заречного» разряда пришлось срочно переделывать и полки «заречного разряда» вместо князя Б.К. Черкасского возглавил князь М.П. Катырев. Воеводы готовились к отражению небольших набегов татар, но в случае появления самого крымского «царя» полки «заречного разряда» должны были отступить на «берег», на «сход» с воеводами «берегового разряда». [11, с. 440, 441].

Не меньше проблем вызвала и роспись воевод «большого» «берегового» разряда, объявленная 21 апреля 1591 г. Согласно ей, «для приходу крымских людей на берегу» должна была быть развернута пяти-полковая рать: большой полк во главе с воеводами князьями Ф.И. Мстиславским и Ф.А. Ноготковым-Оболенским в Серпухове, передовой полк князя Т.Р. Трубецкого и Н.И.

Очин-Плещеева в Калуге, правой руки князя Н.Р. Трубецкого и Ф.А. Бутурлина — в Алексине. На Коломне должен был встать сторожевой полк воевод князей Б.К. Черкасского и Ф.И. Хворостинина, а на Кашире — полк левой руки князей А.И. Голицына и Г.П. Ромодановского. Кроме того, в Серпухов отправлялся и «обоз» вместе со знаменитым «гуляй-городом» под началом князя С.М. Лобанова-Ростовского [12, с. 198, 200].

И на этот раз не обошлось без местнических споров. 25 апреля сразу четверо воевод разом «ударили челом о местах» государю. Однако, судя по сохранившимся документам, только двоим челобитчикам, князю А.И. Голицыну и Б. Цыплетеву, удалось добиться удовлетворения своих требований. Прочие же челобитные были отвергнуты, поскольку на всю «береговую службу» в 1591 г. был распространен принцип службы «без мест» [12, с. 231, 232].

Итак, в первых числах мая 1591 г. с большим трудом Разрядный приказ и Боярская дума завершили работу по составлению диспозиции на летнюю кампанию 1591 г., а государь утвердил ее.

Какова была численность русских полков, собравшихся к началу лета на южной границе? Три полка «заречного» разряда могли насчитывать до 5 тыс. детей боярских с их многочисленными послужильцами, стрельцов и казаков — конных и пеших (на деле было даже меньше). С «береговым» разрядом определиться не в пример сложнее. Можно лишь предположить, что на первых порах «береговая» рать Ф.И. Мстиславского вряд ли насчитывала больше 20-30 тыс. конных и пеших ратных людей. Но все эти силы были рассеяны на большом пространстве между Калугой, Коломной, Серпуховым и Крапивной с Дедиловым, т.е. на площади 160 на 120 км. Крайние же точки, Калуга, Коломна и Дедилов, стояли друг от друга на расстоянии 180, 150 и 140 км — соответственно, примерно на 6, 5 и 4,5 дневных перехода.

Причины, почему было избрано именно расположение

полков, вполне очевидны — как писал В.П. Загоровский, «пять русских полков на Оке и три полка центральной части украины закрывали татарам лишь прямой путь к Москве». Иначе и быть не могло. Действия крымцев и ногаев было нетрудно предугадать. Они должны были стремиться прорваться за Оку, в густонаселенные и богатые центральные уезды Русского государства. Здесь, на переправах-«перелазах» через Оку и нужно было их ждать.

Обращает на себя внимание и еще один момент, связанный с военными приготовлениями Москвы и Крыма весной 1591 г. В наказе встречавшим польское посольство весной 1592 г. говорилось о том, что крымский «царь» пришел на Москву «безвестно». Между тем дьяк М.И. Битяговский, убитый во время майских волнений в Угличе, начавшихся после смерти царевича Дмитрия, должен был собрать посылку «под гуляй» [2, с. 41; 4, с. 172], следовательно, уже в конце апреля — начале мая 1591 г. истинные намерения хана для Москвы не были секретом.

...кампания 1591 г. началась не в самое удач- ное время для русских

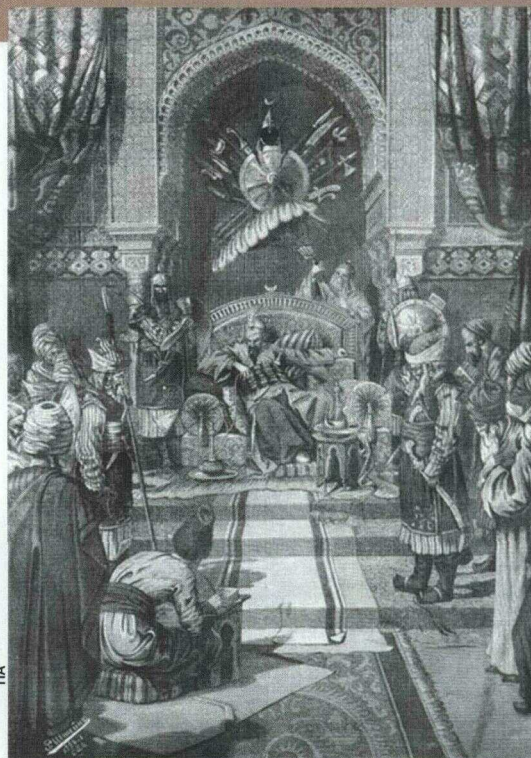
Однако вернемся обратно к событиям весны — лета 1591 г. 10 мая Гази-Гирей вместе со своим «двором» и гвардией (включавшей в себя артиллерию, заимствованный у османов вагенбург — «араба чапулы», и стрелков-сейменов) выступил из Бахчисарая в поход. Некоторое время хан простоял на Молочных водах в степях Северной Таврии в ожидании ногаев.

Какими силами располагал Гази-Гирей? Традиционно принято считать, что хан пошел на Русь «со многими людьми» общим числом до 100–150 тыс. [3, с. 209, 210; 4, с. 178; 13, с. 89]. Однако эти цифры представляются чрезвычайно завышенными. Так, османский историк Ибрахим Эфенди

Печеви, повествуя об участии крымцев в венгерской кампании 1594 г., писал, что Гази-Гирей похвалялся тем, что он привел с собой не много ни мало, а целых 150 тыс. всадников (!), тогда как на деле с ним прибыло от силы не более 30–40 тыс. воинов [14, с. 333]. Московский посланник Иван Судаков сообщал, что в феврале 1588 г. хан выступил в поход на Украину с войском общей численностью 18 тыс. всадников и 500 турецких янычар из Кафы [16, с. 68].

О том, что татар было много менее означенных 100–150 тыс., говорит и ряд других фактов. Так, двигаясь на Москву, войско Гази-Гирея переправилось через Оку только по одному броду у села Тешилово — на сколько часов затянется переправа сотысячного войска через один узкий брод? Между тем хан переправился через реку и выдвинулся к р. Лопасне, где он и разбил свой лагерь — и все это в течение одного дня. Другой момент — отступая с окского рубежа к Москве, воеводы оставили арьергард под началом сына боярского С.Б. Колтовского с 300 «добрыми» детьми боярскими, которым было велено «поиск учинить» над «перелазными» татарскими отрядами [12, с. 208, 210]. Возникает вполне закономерный вопрос — даже если предположить, что под началом Колтовского было больше, чем 300 человек (с учетом послужильцев), то насколько успешными будут действия столь немногочисленного отряда против авангардов статысчяного татарского войска? Все это заставляет нас предположить, по опыту предыдущих татарских нашествий, что войско Гази-Гирея II в кампанию 1591 г. насчитывало около 30 тыс. чел. [О составе татарского войска см.: 2, с. 41].

В конце мая 1591 г. хан начал свое предприятие. Спустя месяц, 10 июня присланный с «отпиской» от путивльского воеводы В. Вельяминова станичный голова С. Антыков сообщил, что хан с 150 тыс. людей идет на Москву Муравским шляхом [11, с. 440]. Учитывая расстояние, отделявшее путивльские сторожи от во-

Гази-Гирей II в своем дворце

евод в Путивле, и сам Путивль от Москвы, можно предположить, что татарское воинство было обнаружено русскими станичниками в верховьях р. Коломака юго-западнее Харькова в первых числах июня 1591 г.

Теперь, когда агрессивные намерения хана окончательно проявились, московским воеводам предстояло решить, пожалуй, едва ли не самый важный вопрос, от правильного ответа на который зависел во многом исход всей кампании. От имени государя «на берег к бояром своим и воеводам: ко князю Федору Ивановичю Мстисловскому с товарищи, и во все полки ко всем бояром и воеводам, и в украинные города к воеводам на Тулу и во все украинные города к воеводам» были направлены грамоты с требованием выслать в Поле разведку и добыть языков с тем, чтобы «допряма» узнать о намерениях хана [12, с. 203, 204].

Отметим, что кампания 1591 г. началась не в самое удачное время для русских. Еще с осени 1590 г. на русско-шведской границе было неспокойно, а в начале лета из Новгорода в Москву пришли известия, что шведы собрали на границе крупные силы. Для противодействия возможному

вторжению «свеев» «июня в 20 день» в дополнение к уже собранным на северо-западе силам «послал государь в Новгород Великой по свийским вестям воевод своих на три полки».

В тот же день, как были отправлены полки «по свийским вестям», поступили новые неутешительные сведения с южной границы. В Москву прибыла грамота от ливенских воевод И.М. Бутурлина и князя А.Д. Звенигородского. В ней они сообщали, что перебежавший к русским татарин сооб-

щил, что хан со 100-тысячной ратью идет прямо на Москву, «не ропсая войны» по дороге. В подтверждение своих слов воеводы прислали в Москве и татарского перебежчика, взятого, вероятно, где-то в районе современного Белгорода [12, с. 205, 206].

Немедленно после получения этого известия Борис Годунов, «конюший, боярин и дворовый воевода», а вместе с ним государев двор вместе с большей частью московских стрельцов, «наряд» и «обоз» получил царский приказ «быти

готовыми» к выступлению против крымского «царя» [9, с. 79]. Москва застыла в ожидании новых вестей с границы. И очень скоро они пришли — князя М. Катырев-Ростовский и В. Голицын прислали грамоту, в которой писали, что отправленные ими станицы во главе с детьми боярскими М. Дыбиным и А. Сухотиным сообщили, что «идет де крымской царь прямо к Туле да к Дедилову, а чаят де крымского царя приходу на Тулу и к Дедилову» [12, с. 206]. Получается, что в начале 3-й декады июля татарское войско уже находилось примерно в полутора сотнях км от Тулы.

Утром 26 июля воеводам на «берег» и «за реку» были отправлены от имени государя грамоты с приказом «всем бояром и воеводам из всех полков з берегу и из украинских городов всем воеводам ити в Серпухов в сход к боярину и воеводе ко князю Федору Ивановичю Мстисловскому с товарищи». Надо полагать, что воеводы уже были готовы к такому приказу, поскольку не прошло и двух дней, как 28 июня сход полков в Серпухове уже состоялся [12, с. 206, 207].

В эти же дни были приведены в боевую готовность и укрепления Москвы и подмосковных монастырей (Симонова и Новодевичьего) на случай осады, назначены начальные люди и «по воротам и по башням расписаны головы да дети боярские и з датошными людьми, да головы стрельцкие с приказами». Приведен был в боевую готовность и Троице-Сергиев монастырь [9, с. 80, 81].

28 июня командующий соединенной русской ратью князь Ф.И. Мстиславский получил новый приказ — идти со всеми полками к Москве, поскольку «государю учинилась прямая весть, что крымской царь в войну людей не ропсает, точма идет к Москве». В приказе отмечалось, чтобы воевода поспешил, ибо он с войском должен прибыть к столице как минимум на два дня раньше Гази-Гирея для того, «чтоб до царя приходу полки урядить», поскольку «хочет государь с крымским царем на прямое дело стать у Москвы»

© Angus McBride

Пехота XVI в.:
1. Аркебузир, Московия, 1533-84 гг.
2. Аркебузир, боярский сын
3. Пеший лучник, боярский сын

Пехота Московии XVI в.: 1. Аркебузир; 2. Аркебузир, боярский сын; 3. Пеший лучник

Воевода, стрелец охранения и боярский сын. Московское царство. XVI в.

[9, с. 81]. В приказе также содержалось требование воеводе устроить города «по берегу» к «осаде», а на Оке оставить «дворенина добраво, а с ним детей боярских триста человек добрых из всех полков для того: как царь перелезет реку, и государю бы то было весно» [10, с. 267].

На следующий день в Москву прибыл посланный князем Катыревым-Ростовским станичный голова А. Сухотин, доложивший, «что крымской царь Казы-Гирей идет к берегу на прямое дело со многими людьми, а по сокме и по огнем смечал он с крымским царем с Казы-Гиреем людей с полтараста тысяч и больше» [11, с. 441]. Его показания только подтвердили правильность принятого накануне решения оттянуть все русские полки на заблаговременно подготовленные позиции под самой Москвой, где и предполагалось дать неприятелю генеральное сражение — то самое «прямое дело». Князь Мстиславский, оставив на Оке арьергард из

300 «детей боярских добрых о дву конь изо всех полков» во главе с сыном боярским С.Б. Колтовским, со всем войском покинул окрестности Серпухова и, проделав за день 30-км. марш, вышел к реке Лопасне, где вечером 29 июня и заночевал. На следующий день русское войско, снова совершив 30-км марш, вышло на р. Пахру, где разбило лагерь.

Тем временем Федор Иоаннович вручил командование над «государевым двором», «прибыльною ратью», «обозом» и «нарядом» Борису Годунову «с товарищи». «Лорду-протектору» (как называли англичане Годунова) было приказано «обоз поставити за Московю за рекою, за Деревяным городом промеж Серпуховские и Колужские дороги и наряд в обозе поставити, и запасы и пушкарей к наряду росписати, и устроити обоз и наряд совсем готово, как, прося у всемилостиваго бога помощи, стоять и битца из обозу против крымского царя Казы-Гирея» [11, с. 441], что и было испол-

нено к 1 июля.

Утром 1 июля в лагерь русского войска на Пахре прибыла новая царская грамота, в которой он приказывал 1-м воеводам полков «берегового» разряда и от «заречного» разряда воеводам князьям М.П. Катыреву-Ростовскому и В.В. Голицыну, оставив вместо себя на командование полками 2-х воевод, немедленно прибыть в Москву на совещание. Федор Иоаннович своим царским словом был намерен утвердить новое расписание полков и иерархию воевод — Борис Годунов, намереваясь принять активное участие в руководстве всеми сосредоточенными на московских окраинах силами, во избежание неподчинения других воевод, которое в сложившейся ситуации могло иметь фатальные последствия, нуждался в поддержке царя.

Итак, воеводы отправились в Москву, а их товарищи, оставшись на командовании, повели полки с Пахры к самой столице — им было приказано быть «о вечерни» «всем

© Angus McBride

Конница Московии XVI в.: 1. Знатный воин (боярский сын); 2. Опричник; 3. Сторонник одного из бояр

полком стати на лугах против Коломенского». На следующий день прибывшие к царю воеводы получили от него новое указание — со всеми полками прибыть к разбитому Годуновым укрепленному лагерю «на речку на Котел» [11, с. 442]. Вечером того же дня перегруппировавшееся русское войско встречало Федора Иоанновича — государь сам приехал в лагерь «и, приехав государь в полки, воевод своих и дворян и детей боярских пожаловал, и здоровье спрашивал, и полков государь смотрел, и в обозе государь мест розсматривал, где полком стоять в обозе; и смотря государь полков и розсмотря мест в обозе, где полком стоять, пошел государь к Москве, а бояром и воеводам всем князю Федору Ивановичю Мстисловскому с товарищи велел государь итти со всеми полки на прежние места и станы в луг против Коломенского...» [12, с. 210]. Надо ли говорить, насколько важным был этот смотр для поднятия боевого духа русских

воинов накануне решающего сражения!

Пока русские полки готовились к битве, Гази-Гирей продолжал приближаться к Москве. 1 июля татары подошли к Туле, сожгли тульский посад и, не задерживаясь больше, устремились дальше, к Оке. К утру 2 июля воины Гази-Гирея «перелезли» через нее «пониже Серпухова под Тешиловым» и заночевали на Лопасне. Наблюдавший за передвижениями неприятеля С. Колтовской прискакал под утро 3 июля в Москву и сообщил, что «идет крымской царь прямо к Москве, а войны от себя нигде не ропустил». Для того, чтобы не упустить врага, ранним утром 3 июля «послали против крымских людей голов: по серпуховской дороге князя Володимера Ивановича Ростовского-Бахтеярова, по колуской Василья Осиповича Янова, по коширской Григорья Григорьевича Пушкина, а с ними браных людей — дворян и детей боярских и казаков лутчих по 500 человек» [6, с.

234; 12, с. 211]. Заставы перекрыли три важнейших дороги, по которым с юга, юго-востока и юго-запада могли выйти к Москве татары.

Первым наткнулась на врага застава князя В.И. Бахтеярова-Ростовского. Выйдя к Пахре, она встретила с передовыми разъездами войска Гази-Гирея и была ими отброшена к северу. Сам воевода был ранен и поспешил в Москву с донесением, «что пришли на него на Похру реку многие люди [татары. — П.В.] и ево розогнали». Однако свою задачу застава выполнила — контакт с противником был сохранен, более того, были взяты и языки [9, с. 83]. После получения этих известий стало окончательно ясно — неприятель не стал хитрить, маневрировать и его появления у стен Москвы нужно ожидать в ближайшие часы.

В оставшееся до начала давно ожидаемого сражения время русское командование предприняло последнюю перегруппировку. Ф.И. Мстислав-

скому и его товарищам было приказано «итти ис-под Коломенсково с своих станом из лугов со всеми полки к обозу к Даниловскому монастырю и пришот бы к обозу и стать бы в обозе всеми полки по росписи, где которому полку велено быть». Позиция, выбранная для устройства «дошаного города» [12, с. 213], была отменной. «Обоз» с «нарядом» был «устроен» примерно в полутора км к западу от Данилова монастыря, в излучине Москвы-реки, и вкуче с монастырской артиллерией надежно перекрывал прямой путь к Москве по Серпуховской дороге. Вместе с тем его расположение не позволяло татарам применить обходной маневр — фланги русской позиции были надежно защищены рекой. Атаковать русские полки неприятель мог только в лоб, под мощным огнем «наряда» и стрельцов, надежно прикрытых от татарских стрел стенами «гуляй-города». Ближе к вечеру 3 июля русская рать была в последний раз перегруппирована: «тово же числа вечерни, прислал государь с Москвы в обоз в полки прибыльных своих государевых ближних бояр и воевод с многими людьми; а велел государь им быти по полком в прибыльных воеводах по росписи». Б.Ф. Годунов был назначен «товарищем» к Ф.И. Мстиславскому, «товарищем» воеводы полка правой руки Н.Р. Трубецкого стал воевода С.В. Годунов, в передовом полку помощником и заместителем воеводы Т.Р. Трубецкого стал боярин и воевода И.В. Годунов, а с ними «государевы дворяня большие, и из городов выборные дворяня, и дети боярские многих городов, и головы стрельцкие с стрельцы и головы з даточными боярскими людьми» [12, с. 212, 213].

Отметим, что разрядные записи позволяют представить себе структуру и состав русской рати. Прежние «береговой» и «заречный» разряды вкуче с «прибылою ратью» были объединены в 5 полков, которые были усилены «нарядом» (в т.ч. и «лежким полковым нарядом») и «обозом» («дошаным городом»). Помимо детей боярских выборных и городовых, в рать вошли «все

государевы большие дворяня, и чашники, и стольники, и стряпчие, и жильцы», стрельцы, донские, «вольские» и яицкие казаки, «черкасы», «головы и ротмистры с литовскими и с немецкими людьми», а также «даточные боярские люди» со своими головами [9, с. 84, 85; 12, с. 212–216, 218]. Из отрывочных сведений, что сохранились в разрядных книгах, можно предположить, что объединенное русское войско вряд ли превышало в сумме 40–45 тыс. ратных людей.

В предстоящей битве на стороне татар было преимущество в коннице, тогда как русские имели больше пехоты и артиллерии и, кроме того, располагались на заблаговременно подготовленной позиции. Однако, как известно, воюют не только количеством, но еще и умением. И тут в пору

вспомнить принцип, которым руководствовались в то время дьяки Разрядного приказа при составлении росписей воевод на тот или иной поход. Дж. Флетчер характеризовал его суть следующим образом: большой воевода «обыкновенно ... избирается из четырех главных дворянских домов в государстве, впрочем, так, что выбор делается не по степени храбрости или опытности в делах воинских; напротив, считается вполне достойным этой должности того, кто пользуется особенным значением по знатности своего рода и вследствие этого расположением войска, хотя ничем более не отличается». [17, с. 80].

Как мы можем видеть из росписи полков, в кампанию 1591 г. большим воеводой, главнокомандующим русской ратью был назначен князь Ф.И.

Всадники и пехотинец-аркебузир крымско-татарской армии. XVI в.

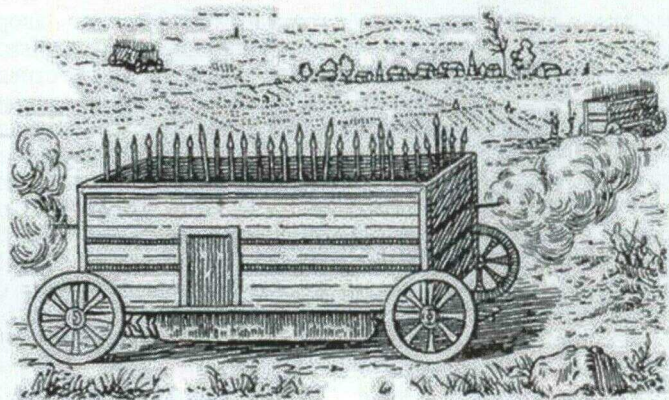

Понять:

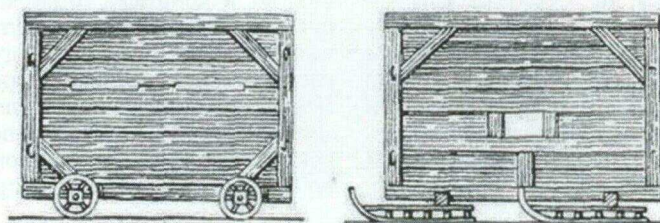
Гуляй-город, полевое подвижное укрепление из деревянных щитов с прорезанными в них бойницами, применявшееся русскими войсками в XVI в. В боевых условиях применялись отдельные щиты или «острожки» из нескольких щитов как подвижные укрытия от огня. Щиты передвигались в сторону противника укрывшимися за ними стрельцами (пушкарями) летом на колесах, зимой на полозьях. При расположении войск лагерем из щитов гуляй-города собирались также различные укрепления — стены и башни, при атаке крепостей — укрытия и штурмовые сооружения. Щиты скреплялись деревянными, железными и веревочными связями и обмазывались глиной в противопожарных целях.

Мстиславский, сын знаменитого воеводы Ивана Грозного князя И.Ф. Мстиславского. Характеризуя его отца, Гедиминовича и родственника московских государей, Д.М. Володихин писал: «Принадлежность к высокому роду, кровь государей, текшая в его сосудах, поднимали князя высоко над большинством русских служилых аристократов и бесконечно высоко над многотысячной массой дворянства» [1, с. 74]. Эти слова вполне приложимы и к князю Федору — кому, как не ему возглавлять русскую рать в такой ответственный момент. Родовитость Ф.И. Мстиславского сомнений не вызывала, чего не скажешь о Годунове, почему он и был назначен всего лишь «товарищем» к князю Федору — его «породы» и «дородства» было недостаточно для того, чтобы возглавить русскую рать. Какие бы решения не предложил бы Годунов, все равно они должны были быть утверждены авторитетом Ф.И. Мстиславского.

Насколько соответствовал своему высокому назначению князь Федор как полководец? Флетчер отмечал, что никаких особенных военных дарований у него не было. Так ли это? Проанализируем его послужной список. Командуя полками с 1576 г., князь Федор прошел хорошую школу под началом своего отца и других военачальников: командовал полками и против татар, и против шведов, и против литовцев. Но его непосредственный боевой опыт ограничивался участием в ряде осад, а вот в «прямом деле» с неприятелем в качестве командующего большой ратью до 1591 г. он не участвовал. Очевидно, что замечание Флетчера относительно полководческих дарований князя Федора передает лишь субъективное мнение информаторов английского дипломата, и не более того — ведь шансов показать себя в «прямом деле» у Мстиславского за 15 лет практически не было. Значит, и проверить его качества главнокомандующего было нельзя. Теперь несколько слов о Борисе Годунове, «товарище» Мстиславского. Каким опытом воеводства обладал

«Острожек» на колесах

Щиты гуляй-города на колесах и санях

«лорд-протектор»? Ответ на него прост — крайне недостаточным для того, чтобы вручать в его руки армию в столь ответственный момент! Его карьера проходила во дворце, а не на поле брани.

...в 8-м часу воскресного утра 4 июля 1591 г. татарские «полки» ...показались в виду занявших позиции русских ратей

В итоге получается интересная картина — с одной стороны, если верить Флетчеру, Мстиславский обделен полководческими талантами, Годунов же, согласно его послужному списку, практически не имеет никакого сколько-нибудь серьезного опыта командования большим войском. И опять обратимся к Флетчеру. Он писал, что москвиты, прекрасно понимая, что «дородства» для главнокомандующего явно недостаточно, «чтобы заменить этот недостаток воеводы, или генерала, к нему присоединя-

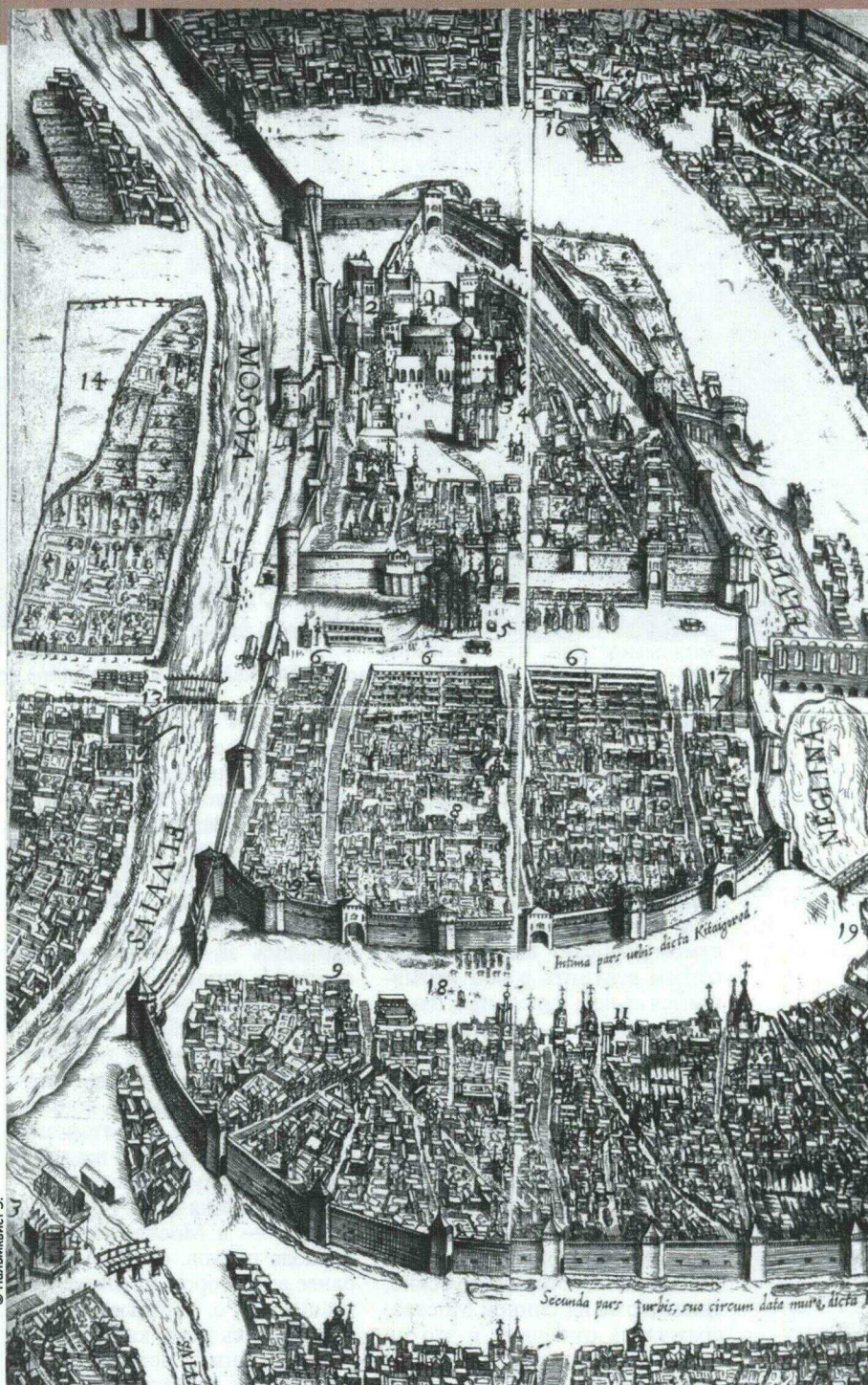
ют другого, также в качестве генерал-лейтенанта, далеко не столь знатного родом, но более замечательного по храбрости и опытности в ратном деле, так что он распоряжается всем с одобрения первого» [17, с. 80]. И кто же тогда был тем самым «генерал-лейтенантом» большого воеводы? Им как будто мог быть 2-й воевода большого полка князь Ф.А. Ноготков-Оболенский.

Однако, сравнивая послужные списки трех воевод, возглавивших русскую рать, нетрудно заметить, что если выстраивать трех воевод большого полка по «ранжиру», то первым, конечно, будет Мстиславский, Ноготков-Оболенский будет вторым, ну а Годунов — только третьим. При этом на стороне Мстиславского будет большой опыт руководства большими ратями и «дородство», Ноготков имел несколько больший практический опыт войны с татарами, а Годунов, не имея ни того, ни другого, «взял» своим родством с государем и статусом одного из наиболее влиятельных людей в государстве. Но выделить кого-то из этого «триумвирата» как единственного «виновника» русской победы не получается. Складыва-

ется впечатление, что главная тяжесть битвы легла на среднее и низовое командное звено русского войска — 2-х и 3-х полковых воевод, голов сотен детей боярских, казачьих и стрелецких, «у наряду» и других. Они, опытные ветераны, закаленные во множестве походов и схваток, находились в гуще самой схватки, непосредственно руководили рядовыми бойцами и не позволили татарам выиграть сражение в первый день. Ну а дальше в дело вступил «Его Величество Случай», который и принес русским окончательную победу.

Теперь попытаемся реконструировать картину произошедшего в воскресный день 4 июля и в ночь на 5 июля 1591 г. под стенами Москвы. Как уже было отмечено выше, к ночи с субботы 3 июля русское войско завершило последнюю перегруппировку и приготовилось к битве. В тревожном ожидании прошла ночь, и с первыми лучами солнца русские сторожи донесли — враг приближается. Первые стычки между передовыми разбедами русских и татар произошли в 6-м часу утра. Пролилась первая кровь, битва началась. В томительном ожидании новых вестей тянулись минуты, и вот в 8-м часу воскресного утра 4 июля 1591 г. татарские «полки», двумя колоннами двигаясь в клубах пыли по Калужской и Серпуховской дорогам, показались в виду занявших позиции русских ратей [9, с. 84; 11, с. 443]. Как писал голландец И. Масса (явно со слов очевидцев и участников тех событий), неприятельское войско, появившееся рано утром, двигалось «подобно туче, с таким грохотом, что тряслась земля» [5, с. 33].

Гази-Гирей действовал не торопясь. Он выслал вперед отборных «резвых» людей с целью провести разведку боем и прикрыть выдвижение татарских «полков». Сам Гази-Гирей с главными силами не стал вступать в бой и приказал разбить укрепленный лагерь «на Котле в оврагах в крепости» [12, с. 216]. Разбив свой укрепленный лагерь между деревней Котлы и селом Коломенское к юго-востоку от Москвы, хан разослал во все стороны разбеда и фуражиров [7, с.

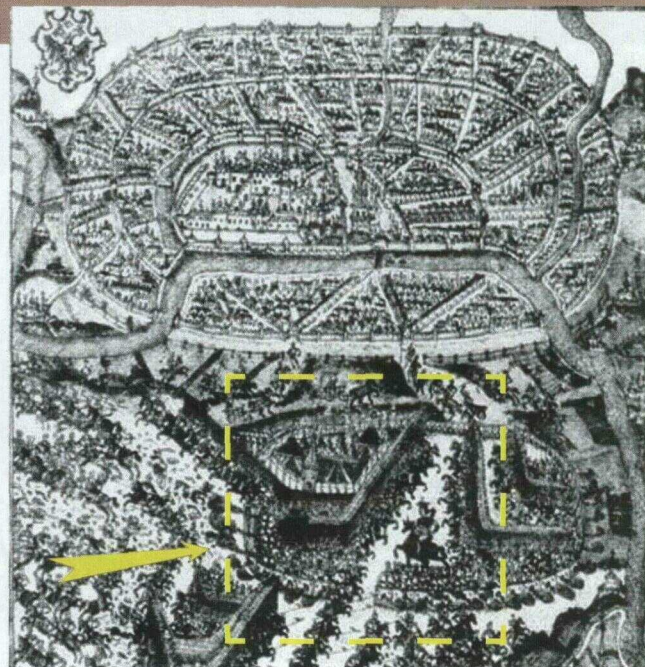
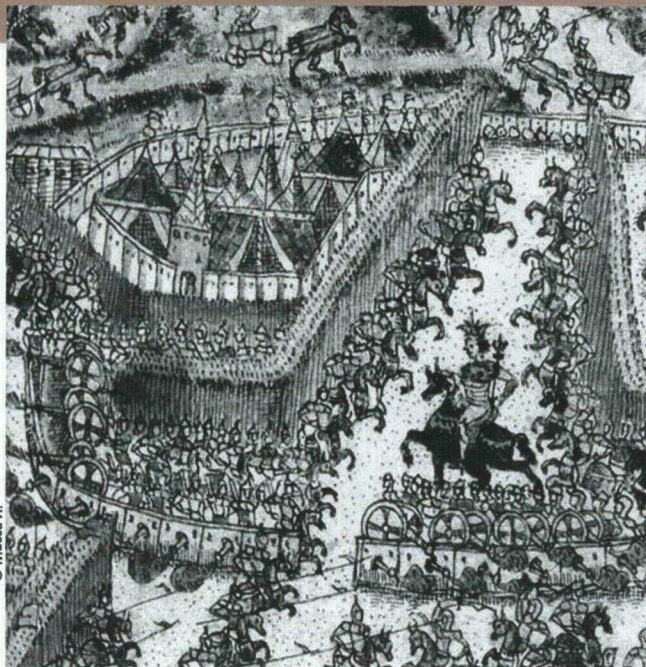

План Москвы из альбома Э. Пальмквиста. 1674

42]. К русскому же укрепленному лагерю он послал своих сыновей «со многими крымскими людьми травиться против Даниловского монастыря от Курганов и от Воробьева». Как писал И. Масса, сперва к русскому лагерю прискакали два татарина, «вслед за первыми двумя прискакало несколько сот, а потом несколько тысяч татар» [5, с. 33]. Навстречу им воеводы «из всех полков послали голов с сотнями и инозем-

цов литву, и немцов, и донских и вольских казаков» [9, с. 84].

На протяжении примерно 4-х часов, до наступления полудня, конные русские и татарские сотни «травились» перед русским обозом и «гуляй-городом», засыпая друг друга ливнем стрел. Татары, согласно Массе, «подобно граду, устремились на московское укрепление и беспрестанно метали стрелы, так что, казалось, небо было усеяно ими, и

Разгром татар под Москвой в 1591 г. Из книги Исаака Масса

долго перестреливались» [5, с. 33, 34]. Служившие в русском войске наемники, «немцы» и «литва», бились с неприятелем «огненным» и «копейным» боем. В ходе «травли» некоторые русские сотни, умышленно или нет, откатывались под давлением неприятеля к самому обозу, позволяя тем самым вступить в бой укрывшимся в нем стрельцам, казакам и «наряду». За «травлей» внимательно наблюдали как из татарского, так и из русского лагерей, высылая по мере необходимости свежие силы, подпитывавшие круговерть конной схватки.

В 12-м часу дня Гази-Гирей стало очевидным, что «травля» не дала решающего перевеса ни одной из сторон. Русские, зная, что за их спиной Москва, сражались отчаянно, и это не могло не навести крымского «царя» на печальные мысли. К тому же благодаря сведениям от гонцов, что присылались к нему в ставку его сыновьями, хан к полудню составил более или менее четкое представление о силе русского войска и характере его позиции и укреплений. И тогда крымский «царь» отозвал большую часть своих людей в лагерь, оставив в поле разьезды присматривать за русскими. Время от времени они схватывались с русскими сторожами.

Так прошел день, который Гази-Гирей не мог считать

удавшимся. Навязать русским решительное, генеральное сражение, он не сумел. «Травля» не привела к каким-либо серьезным результатам. Действия загонов, разосланных в московской округе, тоже не привели к успеху — большинство жителей Подмоскovie укрылись за стенами русской столицы, городов и монастырей. Хану и его советникам стало ясно — забравшись в самое сердце России и не сумев быстро разгромить противостоявшее ему царское войско, пора задуматься над тем, как унести ноги в случае неудачи. К тому же полученные от пленников сведения были неутешительны — в Москве ожидали подхода полков, отправленных ранее в Новгород, на шведскую границу [7, с. 43]. Были ли это случайность или, как полагал отечественный историк А.А. Зимин, эти сведения хану сообщил специально засланный в татарский лагерь лазутчик [4, с. 179], не столь уж и важно — важен произведенный этими известиями эффект. Напряженность в ханской ставке росла. И тут внезапно в расположении русских началась канонада. В накаленной атмосфере той ночи нет ничего невозможного в том, что учиненный, по сообщению Пискаревского летописца, неким сыном боярским переполох из-за своего коня привел к тому, что нервы у русских пушкарей и стрельцов не

выдержали и они начали палить в темноту, думая, что враг идет на приступ.

Крымцы восприняли начавшуюся канонаду как начало русского наступления. В ханском лагере началась паника, татары «бежаху и друг друга топтаху» [7, с. 43]. Отчаявшись навести порядок и остановить бегущих, за час до рассвета Гази-Гирей сам обратился в бегство «с великим страхованием и ужасом тою же сакмою назад к Серпухову» [12, с. 216].

Все источники сходятся на том, что неприятель бежал «в чрезвычайном беспорядке и сильном замешательстве», «лошади многие и всякую рухель метал и лошади подсекал», да так, что «между Москвою и городом Серпуховым, в 12 милях от него, повалили много мелко-го леса и передавали несчетное множество своих лошадей и людей, так что вся дорога была усеяна человеческими трупами и лошадьми» [5, с. 34; 12, с. 216]. Торопясь оторваться от русских, хан добрался до Оки в окрестностях Серпухова «в понедельник [т.е. 5 июля. — П. В.] в осмом часу дни [в 1-м часу дня по нашему счету — П. В.]» и «со всеми людьми реку Оку перелез и, перелезши Оку реку, того же дни начовал, отшодчи от реки верст с пять» [11, с. 444]. Без малого 90 км от Коломенского до Оки стремительно бегущее крымское воинство преодолело примерно за 10 часов!

Бегство неприятельского войска было замечено русскими не сразу. В оставленном лагере продолжали гореть многочисленные костры, а шум от бегущих татар вполне мог означать перегруппировку. Поэтому русские воеводы, опасаясь подвоха со стороны неприятеля, выждали наступления рассвета, после чего отправили вперед разведку — 3 тыс. казаков во главе с головой В.О. Яновым [6, с. 234; 13, с. 91].

Приблизившись к вражескому стану, казаки обнаружили, что он пуст, а татар простыл и след. Получив эту новость, большие воеводы вывели свои полки из «обоза» и, не торопясь, выдвинулись к брошенному неприятельскому лагерю. Остановившись «по Серпуховской дороге на Котле», они отослали князя М.Ф. Кашина с сеунчом к Федору Иоанновичу, что «крымской царь от Москвы побежал наскоро с великим страхованием». Узнав от воевод о поспешном отступлении крымского хана и его воинства, государь вызвал к себе Бориса Годунова «с товарищи» и всех первых воевод «берегового разряда» на совещание — что делать дальше? [12, с. 217]

Решение, выработанное на совместном заседании Федора Иоанновича, воевод и Боярской Думы, гласило: «Итти за крымским царем за Казы-Гиреем бояром и воеводам боярину и воеводе князю Федору

Ивановичю Мстисловскому, конюшему и боярину и дворовому воеводе Борису Федоровичю Годунову с товарищи со всеми людьми и с нарядом с полковым» к Серпухову и далее до Тулы татарскою сакмою и «будет они сойдут крымского царя, и государь велел с крымским царем им учинить прямое дело» [11, с. 444; 12, с. 218]. 6 июля русское войско во главе с Ф.И. Мстиславским и Б.Ф. Годуновым выступило по татарским следам вслед за неприятелем. [9, с. 85; 11, с. 444, 445; 12, с. 213, 218].

**...учиненный ...
неким сыном
боярским пере-
полох из-за сво-
его коня привел
к тому, что
нервы у рус-
ских пушкарей
и стрельцов не
выдержали...**

Медлительность русских воевод может показаться странной. Однако эта «странность» представляется таковой только на первый взгляд. Если проанализировать опыт русско-татарского противостояния на протяжении всего XVI столетия, то нетрудно заметить, что госуда-

ревы воеводы отнюдь не были сторонниками поспешных решений и очертя голову не бросались в погоню за отходящим неприятелем, памятуя о том, что в степной войне побеждает отнюдь не сильнейший, а хитрейший. Поэтому в эти июльские дни воеводы не торопились. К вечеру 6 июля русское войско остановилось и разбило лагерь «на речке на Обитце, от Москвы 15 верст». Отсюда для того, чтобы установить контакт с неприятелем, воеводы отправили вперед сильные авангарды-«посылки».

Перед возглавившими «посылки» Т.Г. Вельяминовым и Д.И. Исленьевым была поставлена задача идти по татарскому следу и, настигнув неприятеля, «промышляти над крымским царем». Т.В. Грязной и В.О. Янов получили приказ идти в сторону Каширы и, если хан распустит там своих людей «в войну», атаковать татарские загоны и воспрепятствовать им опустошать Каширский уезд и прилегающие к нему места. Еще одна сильная «посылка» была выслана в юго-восточном направлении, «в Резанские места» [11, с. 449; 12, с. 218, 219].

7 июля главные силы русского войска покинули свой лагерь на Обитце и двинулись далее, на Серпухов. Двигаясь по серпуховской дороге, они воочию могли наблюдать следы поспешного бегства крымского воинства — брошенные

Донской монастырь, основанный Федором Иоанновичем в 1591–1592 гг., призван служить оборонительным укреплением Калужских ворот города Москвы. В память чудесного избавления Москвы от нашествия крымского хана Гази-Гирей II в 1591 г.

повозки, «пометанную» «рухлядь», павших коней, трупы татар. Не доходя до Серпухова 7 верст, воеводы заночевали на р. Московке. Здесь к ним прибыл из Москвы гонец сын боярский П. Кузьминский с государевым наказом остановиться на Оке и дальше без особого указа не ходить [12, с. 219]. Преследование хана должны были продолжить «посыльные воеводы» князь М.П. Капырев-Ростовский и Я.М. Годунов с полками.

Однако эта «посылка» не состоялась, так как бежавший что есть мочи на юг хан далеко опередил русских и 7 июля уже миновал Тулу [12, с. 220, 221]. Мстиславского с Годуновым и Гази-Гирея разделяли по меньшей мере 90 с лишним км, и догнать стремительно откатывающегося к югу неприятеля не представлялось возможным [9, с. 86]. Оставалось надеяться, что отдельные отряды неприятеля сумеют догнать и потрепать посланные ранее «лехкие» «посылки» да отправленный вслед за ханом сын боярский И. Мясной с выборными деть-

ми боярскими.

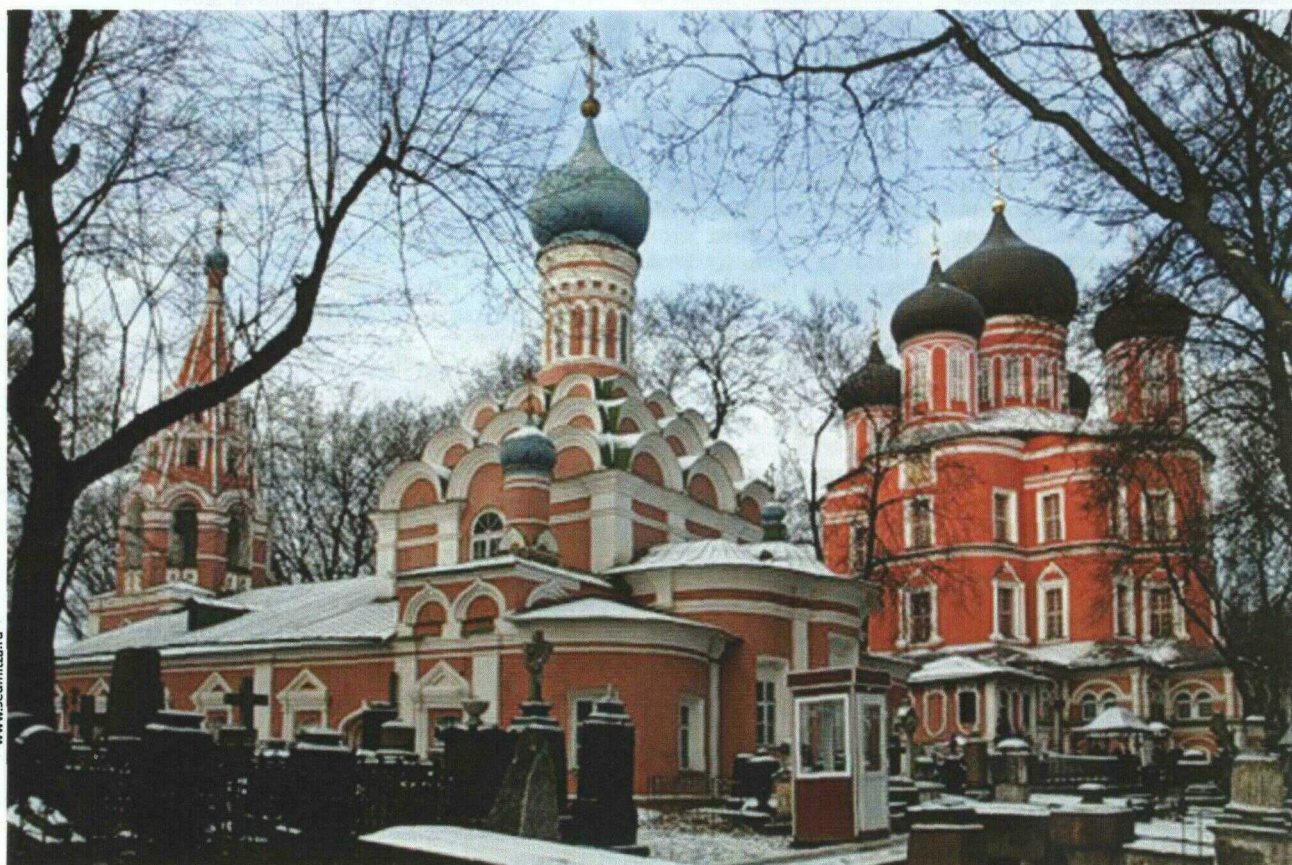
Так оно и получилось. Не желая уходить из Русской земли несолоно хлебавши, некоторые татарские мурзы решились на свой страх и риск «роспустить» своих людей за Окой «в войну» поживиться. В этот момент их и подловили посланные ранее русские отряды, наголову разгромившие неприятельские загоны [9, с. 450].

Русская победа была вполне очевидна. Повторить успех своего отца в 1571 г. Гази-Гирею не удалось, а его рать понесла большие потери. Согласно сообщению И. Бибикова, в Крым вернулась едва ли не треть отправившихся в поход татар, а хан приехал в Бахчисарай ночью, в телеге, раненый в руку. Возможно, ранен он был тогда, когда запорожские казаки во главе со своим гетманом князем М.И. Ружинским и присоединившиеся к ним донцы разграбили ханский кош. Не удалось татарам и разжиться сколько-нибудь серьезным полном.

Одним словом, Москва имела все основания праздновать

большую победу. На радостях Федор Иоаннович пожаловал и воевод, и начальных людей, и рядовых ратников. По старинному московскому обычаю воеводам, начальным людям и рядовым ратникам были выданы наградные «денги» согласно их «дородству» [12, с. 224, 225]. Большие же воеводы были награждены шубами, кубками и другими щедрыми дарами. Большая часть детей боярских была распушена по домам — службу оставались нести только воеводы и ратники «заречного» разряда, ибо, как сказано было в указе, «в тульском розряде и по украиным городом велел государь быти тем же воеводам по внешней росписи; а людям с ними быти по их списком» [9, с. 87].

Празднества в Москве продолжались до самого конца лета. Однако за праздниками и пиршествами в русской столице не забывали и о деле. Еще 16 июля на всякий случай в Тулу ушел указ отправить «в Поле» вдогонку за отступающим крымским «царем» «воевод на три полки». Можно

Большой и Малый соборы Донской иконы Божией Матери Донского монастыря. Москва

предположить, что в связке с этой «посылкой» «того же лета государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси велел послати на поле на Дон в конной рати» [12, с. 451]. Правда, судя по всему, эти «посылки» не состоялись, чего не скажешь о ставшей традиционной расстановке полков по осени «на берегу» и «на украине». В последние дни августа была составлена роспись воевод и полков на «берегу» и за ним «воеводам на перемену прежним» [9, с. 88, 89; 11, с. 451, 453].

Однако эффект от одержанной победы оказался достаточно точным для того, чтобы осень 1591 г. прошла спокойно. Оказавшись не в силах разрубить клубок противоречий в отношениях с Москвой саблей, Гази-Гирей решил вернуться к переговорам. В конце августа, оправившись от раны, хан вызвал к себе для беседы русского посланника И. Бибикова и с сожалением заявил ему, что был он на Москве и ему там не рады были. На это Бибиков дерзко ответил Гази-Гирею, что ходил он, «царь», на Москву «через свое слово» и «у Москвы постоял немножко, а если б ты постоял побольше, то государь наш умел бы потчевать» [15, с. 256]. Хану пришлось проглотить эту дерзость и попытаться возобновить прерванные на-

шествием дипломатические отношения с Россией. В октябре 1591 г. Гази-Гирей отпустил в Москву русского посланника И. Бибикова и вместе с ним своих гонцов.

...зримым символом и памятником в честь русской победы над Гази-Гиреем II ...стал ...Донской монастырь

Ханское посольство в Москве ожидал холодный прием. После почти месячного ожидания крымские посланцы были допущены в Москву. Длительные переговоры закончились в конце концов тем, что Москва согласилась на выплату хану «поминок» и «запроса» деньгами и платем, получив взамен долгожданную шерсть, которой Гази-Гирей обязывался помогать Федору Иоанновичу против его недругов и прекратить набеги на русские земли. Конечно, полного замирения на границе не произошло — ногаи Казыева улуса и азовские татары на свой страх и риск продолжали совершать набеги, но, их нападения не представляли серьезной опасности для

Московского государства.

Полученная передышка сполна была использована Москвой. В «Поле» были выстроены новые города-крепости (Белгород, Старый Оскол, Курск, Валуйки, Царев-Борисов) с сильными гарнизонами. Создание этих городов позволило отодвинуть рубеж соприкосновения с татарами еще дальше к югу. Поход 1591 г. стал последним, когда крымцы сумели прорваться к самому сердцу России — к Москве. И хотя до подчинения Крыма России оставалось еще почти два столетия, тем не менее, самый напряженный период русско-крымского противостояния фактически остался позади.

И, завершая рассказ, отметим, что зримым символом и памятником в честь русской победы над Гази-Гиреем II, который существует и по сей день, стал основанный Федором Иоанновичем вскоре после отражения нашествия на месте, где находился русский лагерь, Донской монастырь, или, как его называли первоначально, монастырь Пресвятой Богородицы, что в «Обозе». По преданию, он был построен на месте походной церкви преподобного Сергия, в которой находилась присланная из Москвы для ободрения русских ратников Донская икона Божией Матери.

Источники

1. Володихин Д.М. Воеводы Ивана Грозного. М.: Вече, 2009.
2. Выписки из статейного списка посольства Павла Волка и Мартина Сушского // Анпилов Г.Н. Новые документы о Рос-сии конца XVI — начала XVII в. М.: Изд-во МГУ, 1967. С. 21–77.
3. Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке: Монография. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991.
4. Зимин А.А. В канун грозных потрясений: Монография. М.: Мысль, 1986.
5. Масса И. Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей Московии в начале XVII в. // О начале войн и смут в Московии. М.: Ри-та-Принт, 1997. С. 15–150.
6. Московский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 34. М.: Наука, 1978. С. 221–237.
7. Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. XIV. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 23–154.
8. Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 34. М.: Наука, 1978. С. 31–220.
9. Разрядная книга 1550–1636 гг. / Отв. ред. В.И. Буганов. В 2-х т. Т. II. Вып. 1. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1976.
10. Разрядная книга 1559–1605 гг. / Отв. ред. В.И. Буганов. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1974.
11. Разрядная книга 1475–1598 гг. / Под ред. В.И. Буганова. М.: Наука, 1966.
12. Разрядная книга 1475–1605 гг. / Отв. ред. В.И. Буганов. В 4-х т. Т. III. Ч. II. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1987.
13. Скрынников Р.Г. Россия накануне «смутного времени»: Монография. М.: Мысль, 1981.
14. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты / Отв. ред. С.Ф. Орешкова. В 2-х т. Т. I. М.: Издательский дом «Рубежи-XXI», 2005.
15. Соловьев С.М. Сочинения в 18 книгах. Кн. IV. История России с древнейших времен. Т. 7. / Отв. ред.: И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. М.: Мысль, 1989.
16. Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова в 1587–1588 году // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Вып. 14. Симферополь, 1891. С. 43–80.
17. Флетчер Дж. О государстве Русском // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов) / Отв. ред. Н.М. Рогожин. М.: Международные отношения, 1991. С. 25–138.